

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА КАБИНИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка и общего языкоznания филологического факультета,
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)
nadia.nvlad2010@yandex.ru

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Статья посвящена топонимии прибалтийско-финского происхождения на территории Архангельского Поморья. Анализируются факты топонимического субстрата, выделяются три его языковых источника: карельский язык, финский язык, а также неизвестное ныне древнее прибалтийско-финское наречие.

Ключевые слова: Архангельское Поморье, карельский, прибалтийско-финский, субстрат, топоним, финский, чудь

Архангельское Поморье – территория, прилегающая к беломорскому побережью в пределах современной Архангельской области. В течение многих столетий русское население этого региона проживало совместно с разными финно-угорскими народами, оставившими в Поморье богатый пласт субстратной топонимии.

Согласно результатам предшествующих исследований, Архангельское Поморье относится к ареалу доминирования прибалтийско-финского и саамского топонимического субстрата. В соответствии с картой А. К. Матвеева, отражающей древнее лингвоэтническое членение субстратной топонимии Русского Севера, прибалтийско-финский субстрат количественно преобладает на большей части территории Архангельского Поморья – от низовий Онеги до низовий Северной Двины [11; 330]. Данные этой карты убедительно подтверждаются как многолетними исследованиями самого А. К. Матвеева, так и работами других топонимистов [3], [6], [14], [15], [16], [17]. В то же время эта карта представляет лишь общую картину, в связи с чем А. К. Матвеевым обозначена необходимость ее дальнейшей детализации в рамках субрегиональных и микрорегиональных исследований [9]. В настоящей статье представлен опыт такой детализации по отношению к прибалтийско-финскому топонимическому наследию поморского субрегиона.

Говоря о прибалтийско-финском топонимическом наследии Архангельского Поморья, мы традиционно имеем в виду два класса фактов. Первый класс образуют названия, отражающие состояние прибалтийско-финских языков, во всех отношениях близкое к современному. Второй класс составляют топонимы, в которых современные прибалтийско-финские черты совмещаются с неизвестными ныне фонетическими или морфологическими явлениями. Разумеется, в целом граница между этими классами не может

быть строгой, поскольку количество различительных сигналов относительно невелико.

Для прибалтийско-финских топонимов первого класса на территории Поморья выявляется достаточно широкий ряд дифференцирующих детерминантов и топооснов. Несмотря на значительные масштабы калькирования, сказавшегося в колоссальном количественном преобладании полукалек над полными названиями, в составе 40 исторических и современных топонимов Поморья отражено 16 прибалтийско-финских детерминантов. Для большей их части (**-ванга, -коски, -кула, -ламба, -луда, -ма, -матка, -огра, -пуга, -ранда, -салма, -сари**) имеются уже установленные этимологии [10; 186–292], поэтому в данной статье мы приведем только нерассматривавшиеся ранее детерминанты.

-бураки (в названии луга *Тирибураки*) ~ фин. *purakko* ‘сырое место; озерцо, лужа’, карел. *purakko* ‘ручей’ [21; 437].

-нева (в названии *Иркисневое Болото*) ~ фин. *neva* ‘открытое или безлесное болото; зыбун, покос на болоте; трясина; река’, карел. *neva* ‘вода, водоем (озеро, река, море); болото’ [21; 215].

-санга (в названиях покосов *Воесанга* и *Сивсанга*) ~ фин. *sanka, sanga* ‘ручка, дужка’, ижор. *sajka* ‘стожар’, вод. *sajka* ‘ручка, дужка; крюк’, эст. *sang* ‘ручка, дужка’ [22; 154] – в топонимии ‘покос в излучине реки, луг’.

-тера (в названии покоса *Силостера*) ~ фин. *tiera, tiero* ‘невыгоревшее место на подсеке; незасеянный, невспаханный или заросший участок поля; клочок поля; маленький островок леса’, *tierere* ‘невыгоревшее место на подсеке’, ливв. *tiero, t'iero* ‘невыгоревшее место на подсеке; небольшой участок земли; открытое место’ [19; 1284].

С точки зрения географии прибалтийско-финские детерминанты представлены в Архангельском Поморье повсеместно, за исключением Зимнего берега; наибольшей слабостью прибалтий-

ско-финского следа отличается смежная с Зимним берегом территория низовий Мезени. Этой картине в целом соответствует и распределение дифференцирующих топооснов (всего более 200). В итоге зонами максимальной концентрации прибалтийско-финской топонимии оказываются низовья рек Северная Двина и Онега, а также Онежский полуостров. К востоку от Северной Двины плотность прибалтийско-финской топонимии заметно снижается.

Дифференциация прибалтийско-финских данных по языкам и диалектам во многих случаях невозможна или затруднительна в силу межъязыкового фонетического и смыслового сходства исходных апеллятивов. Тем не менее по имеющимся различительным сигналам возможно заключить следующее:

1. Дифференцирующие вепсские и людиковские элементы не представлены.
2. Для значительной части поморских топонимов устанавливается представленная в каждом случае с различной полнотой связь с финскими / карельскими / карельско-ливвиковскими апеллятивами.
3. Часть топонимов интерпретируется на основе только финских данных, иногда – в сочетании с данными других прибалтийско-финских языков, но не карельского и вепсского.

Наиболее определенно в прибалтийско-финском топонимическом наследии Архангельского Поморья выделяется карельский компонент. Его представляют как очень частотные, типовые для карельского языка топоосновы, так и редкие, но ярко дифференцирующие: *Виртанец*, ручей ~ карел. *virtani* ‘быстрый, стремительный’ [11; 123], *Ничи*, покос и *Нючи*, покос ~ карел. *nytšä* ‘кусок, отрезок’ [21; 248], *Орехозеро*, озеро и *Орехоручей*, ручей ~ карел. *orih*, *orih*, *ořeh* ‘жеребец, мерин’ [11; 56], *Петросара*, ручей и *Петрручей*, ручей ~ карел. *petra* ‘дикий северный олень’ [11; 57], *Пичкозеро*, озеро ~ карел. *pitsukka* ‘маленький’ [21; 375] и др. Эти данные хорошо согласуются с другими топонимическими фактами – прежде всего с тем, что с самого начала письменной истории Архангельского Поморья в составе ряда местных топонимов фигурирует этноним *карелы* (*корелы*). Впервые он проявляется в комплексе названий 1-й четверти XV века, относящихся к низовьям Северной Двины: *Николо-Корельский монастырь*, *Корельской наволок*, *Корельское устье*. Кроме нижнего Подвина топонимические следы этнонаима засвидетельствованы в низовьях Онеги (деревня *Карельская*, покос *Карелка*) и на Летнем берегу, в бывших вотчинах Соловецкого монастыря Яреньге и Лопшеньге (поле *Корельский Наволок* и покос *Корельский Сузёмок*). Приведенные топонимические факты, а также сведения, собирающиеся историками, позволяют судить о присутствии карел почти на всей территории Поморья – правда, не

обязательно в качествеaborигенного, то есть в полном смысле дорусского населения. Так, деятельность Соловецкого монастыря способствовала довольно поздним миграциям беломорских карел на восток, наряду с ними, согласно данным Т. А. Бернштам, в течение XVII–XVIII веков карельское население двигалось в Архангельское Поморье и из Заонежья, причем и те, и другие быстро обрусевали на поморских землях [1; 56–59].

Более сложен вопрос о собственно финском компоненте поморской топонимии. В этой связи прежде всего отметим, что к востоку от Северной Двины дифференцирующих финских элементов практически нет, однако в центральной и западной частях региона засвидетельствовано 20 топонимов, основы которых ныне имеют апеллятивные параллели только в финском языке, иногда также в ижорском, эстонском, ливском, водском языках. Более половины из них (12 топонимов) локализованы в низовьях Онеги (включая Онежский берег), ср.:

Азика, река ~ фин. *asikko*, *asikka* ‘небольшой лосось, таймень’ [20; 86].

Мягозеро (1), озеро – *Мягторучей*, ручей; *Мягозеро* (2), озеро ~ фин. *mätä* ‘гнилой’ (~ ижор., вод., эст.) [6; 58].

Ниркомина, покос ~ фин. *nirkko*, *nirko* ‘острие, кончик, уголок’ (~ вод.) [21; 223].

Нюя, мыс – *Нюозеро*, озеро ~ фин. *nuhä* ‘уголок, выступ; бугорок’ [21; 246].

Рубозеро, озеро – *Рубручей*, ручей ~ фин. *rūra* ‘грязь, ил’ [6; 46].

Сатанцы, тоня ~ фин. *satama* ‘гавань’ (~ ижор., эст., лив.) [22; 160].

Холка, протока – *Холкозеро*, озеро ~ фин. *holkkä* ‘желобок’ [13; 120].

К нижнеонежским «финским» фактам относятся и два детерминанта: *-ванга*, известный в составе 9 топонимов (~ фин. *vanko* ‘длинный шест с крюком на конце’, лив. *vauđga* ‘береговой луг’, эст. *vang* ‘рукоятка, ручка; изгиб’ [19; 1635–1636]), и *-санга*, отмеченный в составе двух топонимов (~ фин. *sanka*, *sanga* ‘ручка, дужка’, ижор. *sajka* ‘стожар’, вод. *sajka* ‘ручка, дужка; крюк’, эст. *sang* ‘ручка, дужка’ [22; 154]). Кроме того, в низовьях Онеги отмечаются топоосновы, которые имеют карельские и вепсские апеллятивные параллели, но при этом наиболее близки к их финским соответствиям. Так, название покоса *Огормина* очевидно ближе к фин. *ohra* ‘ячмень’, нежели к карел. *osra*, люд., вепс. *ozr* [21; 259–260]; название *Месовручей* прямо относится к фин. диал. *messo* ‘глухарь’ – при карел. *metšo*, ливв., люд. *metšoi*, вепс. *metsoi* [21; 163].

Наконец, в нижнеонежской зоне зафиксированы указывающие на финнов саамские названия на *Роч-* (река *Роча* / *Рочева*, озеро *Рочозеро*, ручей *Рочев*) – ср. саам. *riđoitts⁴* ‘финн’, *riđoitts⁴*

‘финн; швед’ [18; 459], а также исторический ойконим **Гамьская деревня**, который может быть связан с субэтническим именем *häte*, восходящим к одноименному названию одной из областей Финляндии. На финнов могут указывать и два идентичных топонима **Мугалы** (ныне части сел Кянда и Тамица), сопоставимые с карел. *tiukali*, люд. *tiugali* ‘из другой стороны, чужой, незнакомый’ [6; 44–45].

Все эти совпадения, видимо, неслучайны и действительно указывают на то, что в низовьях Онеги и на Онежском берегу проживали ранее отдельные группы финского населения. Судя по тому, что в названиях на **Роч-** и **Гам-** финны обозначены нейтрально, а легенды о чуди в селах нижней Онеги неизвестны, это финское население воспринималось соседями именно как финское, а не «чудское». Следы, оставленные этим населением, фиксируются главным образом в микротопонимии, поэтому вряд ли возможно говорить об очень глубокой древности всего слоя нижнеонежских «финских» названий. Их сравнительно недавнее происхождение косвенно подтверждается и тем, что, кроме названий на **Роч-** и **Гам-**, ни один из названных выше топонимов не фигурирует в исторических документах.

К востоку от Онеги (преимущественно в низовьях Северной Двины и в восточной части Летнего берега) «финские» факты представлены 8 названиями, 5 из которых известны по ранним историческим источникам:

Питара, река / **Змievка** (известна с XVI века) ~ фин. диал. *pitee*, *pitin*, *pittiin* ‘змия’ [3; 111].

Питяево, деревня (известна с XVII века) ~ фин. *pitäjä*, *pit(t)ää*, *pitäjäs* ‘сельская община’ [21; 379].

Поврокула, деревня, **Повракурья**, река (известны с XVI века) ~ фин. *peura* ‘олень’ (соответствия в других прибалтийско-финских языках имеют иной фонетический облик) [21; 346].

Сетигоры, деревня (известна с XVI в.) ~ фин. *setä* ‘дядя’ (~ ижор.) [11; 67].

Сяськ, остров ~ фин. *sääksi*, *sääskeläinen* ‘чайка-рыболов’ (~ эст.) [22; 244].

Хавзюга, река ~ фин. *hauki*, *haues-*, *hauis-* ‘щука’ (соответствия в других прибалтийско-финских языках имеют иной фонетический облик) [20; 147].

Химбол, озеро ~ фин. *himmää*, *himpeää* ‘тусклый, мутный’, *himi*, *himi*, *himpi* ‘сумрачный, темный’ (~ эст.) [20; 164].

Как можно видеть, «финская» топонимия двинских низовий и восточной части Летнего берега отличается от нижнеонежской в двух существенных отношениях: во-первых, она гораздо шире фиксируется в ранних исторических источниках, во-вторых, ее в значительной мере представляют гидронимы. Оба эти обстоятельства позволяют полагать, что «финская» топонимия низовий Северной Двины и восточной части Летнего берега в сравнении с онежской более древ-

няя. Это, в свою очередь, означает, что ее собственно финское происхождение оказывается под вопросом, поскольку в «финских» по виду фактах могут быть отражены древние прибалтийско-финские данные или совпадающие с финскими данные вымерших прибалтийско-финских наречий Поморья. Это тем более вероятно, что рассматриваемая зона, по русским преданиям, связана с чудью [2], [7], а по топонимическим саамским сигналам – с неким этносом, который был враждебен саамам: ср. названия реки **Чуда**, деревни **Чужгора** и поля **Читомина**, которые мы связываем с саам. диал. *tš'ibđe*, *t's'udd*^E, *t's'ide* ‘враг, неприятель (в преданиях)’ [18; 682].

Для прояснения картины необходимо рассмотреть географическое соотношение выше-приведенных «финских» фактов с топонимами второго класса, в которых известные ныне прибалтийско-финские черты совмещаются с неизвестными. Эти топонимы возможно выделять по некоторым фонетико-морфологическим основаниям, которые уже установлены в предшествующих исследованиях: 1) соответствие субстр. *a* ~ приб.-фин. *e*; 2) соответствие субстр. *i*, *e* (~ русск. *ы*) ~ приб.-фин. *i*, *e*; 3) соответствие субстр. *č* (~ русск. *ч*) ~ приб.-фин. *s*, *š*; 4) совмещение прибалтийско-финских основ с гидроформантом *-Vm(a)*, который неизвестен в современной прибалтийско-финской топонимии, хотя и фиксируется в некоторых старых названиях на исторических прибалтийско-финских землях.

Как оказывается, все эти явления характеризуют именно интересующую нас зону – низовья Северной Двины и прилегающую к ним восточную (до залива Унская губа) часть Летнего берега. Приведем соответствующие факты в указанном выше порядке.

1. Соответствие субстр. *a* ~ приб.-фин. *e*.

Падростров, остров; **Падракур**, остров; **Патрукула**, деревня *истор.*; **Падрокурья**, деревня *истор.* ~ карел. *petra*, *pedra*, ливв. *pedru*, люд. *pedr*, *pedru*, вепс. *pedr*, *p'edr* ‘дикий северный олень’ [3; 107–108].

Хаймусово, покос; **Хаймы**, покос ~ фин., карел., ливв. *heimo* ‘род, племя’, люд. *heimokund* ‘род’, вепс. *him*, *heim* ‘родня, родственники’ (~ вод. *ēimo* ‘род’, эст. *hōit* ‘племя’, лив. *aim* ‘семья, домочадцы’) [3; 120].

2. Соответствие субстр. *i*, *e* (~ русск. *ы*) ~ приб.-фин. *i*, *e*.

Кырбасова, река *истор.*; **Кырвазеро**, озеро ~ фин., карел., люд. *kirves*, вепс. *kirvez*, *kervez* ‘топор’ [20; 373].

Лындовера, покос; **Лындога**, река ~ фин., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс. *lind* ‘птица’ [11; 48–49].

Тырва, ручей *истор.*; **Тырвя** ~ фин., карел. *terva* ‘смола’, *tervas* ‘смолье’, люд. *t'erv* ‘смола’, *tervas* ‘смолистое (дерево)’, вепс. *t'erv*, *t'ervaz* ‘то же’, эст. *tōrv* ‘смола’ [11; 70–71].

3. Соответствие субстр. *č* (> русск. *ч*) ~ приб.-фин. *s*, *š*.

Кумчукурья, река *истор.*; **Кунчезеро**, озеро ~ фин. *kumsi* ‘один из видов форели’, карел. *kumprši* ‘небольшой озерный лосось, малек лосося’ [3; 100].

Чиглоним, мыс *истор.* ~ фин. *siula* ‘крыло невода’, карел. *šikla*, *šigla*, *šigla*, *sikla*, ливв. *siglu*, *sigli*, *siglu* ‘голова невода; передняя часть невода’, люд. *sigl* ‘крыло невода’ [3; 122–123].

4. Приб.-фин. основа + гидроформант *-Vm(a)*.

Казомас, залив; **Казомас**, озеро; **Казомась**, часть озера; **Казамас**, залив ~ фин. *kasa* ‘кончик, уголок’, карел. *kaža*, *kad'ža*, ливв., люд., вепс. *kaza* ‘угол (кончик) топора’ [4]. В поселениях при Унской губе *казамас* / *казамус* известно в нарицательной лексике в значении ‘залив’ [5].

Пексома, река *истор.* ~ фин. *pieksää* ‘мешать, помешивать; пахтать; молотить; размягчать; обрабатывать кожу’, ливв. *piekseä*, *piekšeä*, *pieksiä*, *piekšöä*, *piekšää* ‘ударять, бить; мешать, сбивать, пахтать; тереть; выделывать кожу’, люд. *pieksäädä*, *piekstää* ‘избить, исхлестать; взбивать, смешивать; обрабатывать (кожу)’, вепс. *peksta* ‘мешать, взбивать, пахтать’ [3; 109–110].

Пурома, протока ~ фин., карел. *puro* ‘ручей; небольшая речка’ [21; 437], ливв. *riuo* ‘ручей’ [8; 76].

Совпадение ареала «финской» топонимии с ареалом приведенных субстратных названий свидетельствует, по-видимому, о том, что о собственно финнах в двинских низовьях и восточной части Летнего берега говорить не приходится. При интерпретации этого совпадения следует, скорее, полагать, что оба ряда фактов («финский» и субстратный) отражают данные одного и того же прибалтийско-финского языка или очень близких прибалтийско-финских наречий, ныне неизвестных. Возможно, носители этих наречий были в полном смысле аборигенами Поморья, то есть предшествовали на названных территориях как русскому населению, так и другим финно-угорским группам. Взятые в совокупности лингвогеографические и иные данные ведут также к предположению о том, что в двинских низовьях и прилегающей к ним восточной части Летнего берега *чудью* (как с русской, так и с саамской стороны) изначально называлось именно это древнее население.

В связи с проблемой квалификации вымерших прибалтийско-финских наречий Поморья следует вернуться к нижнеонежскому субрегиону, в топонимии которого «неизвестные» прибалтийско-финские следы также присутствуют, но по качеству отличаются от нижнедвинских.

Прежде всего отметим, что на нижней Онеге практически не представлены те 4 топонимических сигнала, по которым выделяется «чудской»

компонент в двинских низовьях и на Летнем берегу. При этом, однако, в нижнеонежском субрегионе концентрированно представлены названия на **Хайн-** (4 топонимических гнезда) и **-шалга** (9 названий), которые, будучи, очевидно, прибалтийско-финскими, по своему фонетическому облику не могут сегодня считаться ни финскими, ни карельскими.

По отношению к названиям на **Хайн-** обычно предполагается, что они отражают ранний прибалтийско-финский вокализм (**šaina*:ср. эст. юж. *hain*, лив. *āina* ‘трава, сено’ при фин., карел. *heinä*, люд. *hein*, вепс. *hein*, *hīn* ‘то же’ [11; 73–74]). Это предположение, иллюстрируемое приведенным рядом фонетических соответствий, кажется совершенно исчерпывающим, однако топонимический материал нижней Онеги позволяет внести в осмысление этой гипотезы некоторые детали.

Как было показано выше, нижнеонежский субрегион примечателен не только наличием «финских» топонимов, но и тем, что значительной их части апеллятивные соответствия обнаруживаются в финском и южноприбалтийско-финских языках, но не в карельском и вепсском. Это, на наш взгляд, позволяет полагать, что финны нижней Онеги (по крайней мере, некоторые из групп) говорили на «переходных» финских диалектах, которые исторически формировались вблизи соседством южноприбалтийско-финскими языками. Особого внимания в связи с этой гипотезой заслуживают не только топонимы на **Хайн-** (ср. эст. юж. *hain*), но и названия с детерминантом **-шалга**.

А. К. Матвеев предположительно вводит этот детерминант к особому языку, в котором существовал термин **šalg(a)*, сопоставимый с приб.-фин. *selkä* ‘спина; горный кряж’ при учете соответствий приб.-фин. *e* ~ субстр. *a* и приб.-фин. *s* (*š*) ~ субстр. *u*; первая часть этой гипотезы, впрочем, не подтверждается необходимыми соответствиями в прибалтийско-финских языках южной группы [10; 226–228]. В объяснении этого противоречия кажется очень существенным то обстоятельство, что поморский ареал детерминанта **-шалга** точно совпадает с зоной распространения «финской» топонимии. Это позволяет предполагать, что в местном переходном финском наречии имелся термин, близкий к эст. юж. *sälg*, лив. *sälg* > русск. *шалга* через вероятное карельское посредство.

Интересно, что в некоторых топонимах нижней Онеги можно усматривать и другие южно-прибалтийско-финские диалектные черты. Например, в названии болота **Хайнора** к южноприбалтийско-финским данным близка не только основа, но и детерминант, ср. лив. *jāra*, *jēra*, эст. диал. *järi* ‘озеро’ [20; 259], а название **Мариванга**, устойчиво фиксируемое историческими источниками именно в этой форме («поженка

Мариванга, сейчас *Мареванга*, *Марьянга*), соотносится с эст. *mari* ‘ягода’ при *marja* в фин., ижор., карел. [21; 149] и упомянутым выше лив. *vanya* ‘береговой луг’, эст. *vang* ‘рукоятка, ручка; изгиб’ [19; 1635–1636].

Если соотнести эти наблюдения с историческими данными, то картина «финской» топонимии низовий Онеги в хронологическом отношении оказывается достаточно сложной. В этом субрегионе, вероятно, есть сравнительно поздние финские названия (например, не фиксируемые историческими документами микротопонимический субстрат), возникшие не ранее XVII века, которым историки датируют связанное со шведской агрессией расселение финнов в Беломорье [1; 56–58]. В то же время миграции финнов в низовья Онеги могли происходить значительно раньше, на что указывают прежде всего названия *Рочев ручей* и *Мариванга*, фиксируемые уже в середине XVI века – в конце этого столетия в топонимии западной части Поморья документами фиксируется и *шалга* (в роли термина или топонима, ср. «под шалгою коса», «пожни подшаложные» [12; 241]).

Как по языковым, так и по историческим показаниям возможно полагать, что ранние (до

XVII века) миграции финнов были направлены в Поморье с юго-запада из областей, прилегающих к Финскому заливу. При наличии диалектных особенностей, сближающих это население с эстами, ливами и водью, оно являлось финским, а не «чудским»; по крайней мере, в языковом отношении оно существенно отличалось от нижнедвинской чуди.

Итак, картина, представленная выше, со всей очевидностью свидетельствует о пестроте древнего прибалтийско-финского населения Архангельского Поморья. При том что основную часть этого населения составляли карелы, топонимический след в Поморье оставили по меньшей мере еще два прибалтийско-финских сообщества: в низовьях Онеги – население, близкое к собственно финнам, в низовьях Северной Двины – неизвестный ныне этнос, отличавшийся от других прибалтийских финнов рядом языковых черт.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 175 с.
2. Ефименко П. С. Завооцкая чудь. Архангельск: Губернская типография, 1869. 147 с.
3. Кабинина Н. В. Топонимия дельты Северной Двины: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 183 с.
4. Кабинина Н. В. К этимологии субстратного географического термина *казамус* // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 154–156.
5. Картотека словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета).
6. Киршева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 171 с.
7. Крестинин В. А. Краткая история о городе Архангельском. XVIII. СПб.: Императорская академия наук, 1792. 264 с.
8. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
9. Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.
10. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 345 с.
11. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 369 с.
12. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: ВГПИ, 1972. 484 с.
13. Финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. М.: Русский язык, 1975. 813 с.
14. Шилов А. Л. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996. 63 с.
15. Шилов А. Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999. 100 с.
16. Шилов А. Л. Соловки // Русская речь. 2001. № 3. С. 87–90.
17. Шилов А. Л. Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 109–118.
18. Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 1236 с.
19. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa I–VII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. 2293 с.
20. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. 486 с.
21. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 470 с.
22. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 503 с.